

НАСИЛИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ (ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ)

Александр ХРАМЦОВ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Summary

Violence as a mandatory feature of the objective aspect of such property crimes as violent robbery, brigandage and extortion is researched in the article. It is indicated on some peculiarities of qualifying robbery as so-called «jerk». Objective and subjective signs of threats in these crimes are analyzed. Distinction of an assault and violence as signs of robbery is conducted. Criminal and legal analysis of drugs and other dangerous to life and health agents' usage in these crimes is realized. It is offered to expand the quarter of those facing the guilty person's threat while extortion. Corresponding alterations about criminal liability in the current legislation of Ukraine are elaborated.

Key words: physical violence, psychological violence, mercenary and violent crime, threat of physical violence, relatives of the victim, information that the victim wishes to keep secret, inchoate crime, violent robbery, brigandage, extortion.

Аннотация

В статье рассматривается насилие, как обязательный признак объективной стороны состава таких преступлений против собственности как: насильственный грабёж, разбой и вымогательство. Указывается на особенности квалификации грабежа так называемым «рывком». Анализируются объективные и субъективные признаки угроз в указанных преступлениях. Проводится отличие нападения и насилия как признаков разбоя. Осуществлён уголовно-правовой анализ применения наркотических и иных опасных для жизни и здоровья веществ в данных преступлениях. Предлагается расширить круг лиц, которым угрожает виновное лицо при вымогательстве. Разработаны соответствующие изменения в действующее законодательство Украины об уголовной ответственности.

Ключевые слова: физическое насилие, психическое насилие, корыстно-насильственное преступление; угроза применения физического насилия; близкие потерпевшему лица; сведения, которые потерпевший желает сохранить в тайне; преступление с усечённым составом; насильственный грабёж, разбой, вымогательство.

Постановка проблемы. Насилие является структурным элементом объективной стороны многих преступлений. Это относится и к таким корыстно-насильственным преступлениям как: насильственный грабёж, разбой и вымогательство. Признаки этого насилия не всегда правильно понимаются в теории и практике уголовного права. Автор предлагает своё решение данной проблемы и соответствующие изменения в действующее законодательство Украины об уголовной ответственности.

Изложение основного материала. Ч. 2 ст. 186 Уголовного кодекса Украины (далее – УК) предусматривает уголовную ответственность за насильственный грабёж, соединённый с насилием, которое не является опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или угрозой нанесения такого насилия. То есть, физическое насилие, и угроза его применения характеризуют способ совершения этого преступления. Физическое насилие, при совершении насильственного грабежа, выступает способом завладения или удержания преступником имущества и сопровождается причинением телесного повреждения, которое не по-

влекло кратковременного расстройства здоровья или незначительной утраты трудоспособности, причинением физической боли потерпевшему. При решении вопроса об интенсивности насилия следует исходить не только из его фактических последствий, а и способа его совершения. Следует отметить, что лишение и ограничение свободы также следует признавать физическим насилием.

Следует обратить внимание на особенности квалификации действий виновных лиц при похищении имущества способом, который на практике называется «рывком». Похищения имущества таким способом являются достаточно частыми случаями грабежа, и характеризуется резким вырыванием чужого имущества. В следственной и судебной практике квалификация таких похищений вызывает определённые трудности. В этих случаях, виновный совершает резкое движение и применяет определённую физическую силу, которая направлена на похищение чужого имущества и характеризует способ совершения преступления. Она не всегда равнозначна физическому насилию, которое не опасно для жизни и здоро-

вья. Например, преступник вырывает сумку и пытается убежать. Такие действия следует квалифицировать по ч. 1 ст. 186 УК Украины. Но бывают случаи, когда усилия, которые применяются для «рывка», одновременно сопровождаются посягательством на здоровье потерпевшего и виновный сознательно шёл на это. Такие усилия следует расценивать как грабёж, совершенный с применением насилия, которое не является опасным для жизни и здоровья потерпевшего. Например, вырывание имущества, которое удерживается потерпевшим, с выкручиванием его руки, относится к физическому насилию, так как виновное лицо сознательно выбирает такой способ совершения преступления, при котором наносится вред здоровью потерпевшего. Если же усилия при «рывке» привели к нанесению потерпевшему телесных повреждений, которые не охватывались умыслом виновного, но он мог и должен их предвидеть, то возникает совокупность преступлений в виде ненасильственного грабежа и преступления против здоровья, совершённого по неосторожности.

Психическое насилие при грабеже заключается в угрозе со стороны вино-

вного применить физическую силу к потерпевшему или другим лицам, которые препятствуют похищению имущества. При такой угрозе преступник угрожает потерпевшему причинением физической боли, нанесением ударов, побоями, ограничением или лишением свободы. В юридической литературе существует неоднозначный подход к уголовно-правовой оценке угрозы применения насилия при насильственном грабеже. Л.Д. Гаухман указывает, что при этом следует учитывать, воспринималась ли данная угроза потерпевшим или нет [1, с. 22]. То есть, угроза, которая не воспринимается лицом, к которому она адресована и не воспринята им, не может принудить к определённым действиям. С ним не соглашается Г.К. Костров, который считает, что при таких условиях исходить только лишь из факта восприятия угрозы потерпевшим, означало бы, что вопрос о характере преступления и степени ответственности виновного следует решать в зависимости от случайных обстоятельств [2, с. 9]. По нашему мнению, угроза применения насилия при грабеже должна иметь те же признаки, что и угроза как самостоятельный вид преступления, а именно быть действительной и реальной. Эти признаки включают совокупность объективных и субъективных свойств, к которым относятся также опасения потерпевшего, что в случае невыполнения требований преступника, намерение будет реализовано.

На наш взгляд, интересным аспектом является вопрос психического отношения самого преступника к высказанной им угрозе, которая носит неопределённый характер. То есть необходимо установить, было преднамеренное или нет у преступника, вызвать опасения у потерпевшего. Как отмечает Ю.В. Баулин, иное решение не соответствует закреплённому в ст. 62 Конституции Украины и ч. 2 ст. 2 УК Украины принципу «субъективного вменения» [3, с. 33]. В свою очередь, И.В. Самошенко считает, что такие объективные обстоятельства как: обстановка, способ, место, время и другие являются качественными признаками деяния, предметом осознания умысла преступника. Его сознанием охватывается и тот факт, – как будет воспринята подобная угроза потерпевшим. Данный

критерий имеет преимущество при конкуренции между направленностью действий виновного и субъективной оценкой их потерпевшим [4, с. 58-59]. Мы поддерживаем такую позицию.

Судебная практика определяет, что действия по применению насилия при грабеже могут быть совершены перед изъятием имущества, одновременно с ним или непосредственно после ограбления. В последнее время в теории звучат предложения кардинальным образом пересмотреть составы таких преступлений как: насильственный грабёж, вымогательство и разбой. Так И.И. Гуня считает, что для усиления уголовной ответственности за насильственный грабёж, а также для повышения эффективности уголовно-правовой нормы об ответственности за его совершение целесообразно признать это преступление как преступление с формальным составом и выделить его в самостоятельную статью УК Украины. Ст. 186-1 УК Украины должна иметь такую редакцию: «Применение с целью немедленного завладения чужим имуществом или правом на такое имущество насилия, не опасного для жизни и здоровья человека, или уничтожение или повреждение с этой целью чужого имущества в значительных размерах, или угроза такими действиями или разглашением сведений, которые не желательны для потерпевшего...» [5, с. 172]. На наш взгляд, такая редакция данной статьи будет вызывать трудности при квалификации. Кроме того, такая формулировка, как угроза разглашением сведений, которые не желательны для потерпевшего, является очень неконкретной. Мы считаем, что более правильным было бы следующее: «...сведения, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне».

Насилие присуще и следующему виду насильственного преступления против собственности – разбою. Оно характеризуется таким признаком объективной стороны преступления как нападение. Такое деяние определяет объективную сторону и других преступлений (ст. 257 – бандитизм; ч. 1 ст. 444 УК Украины – нападение на служебные или жилые помещения лиц, которые имеют международную защиту). В науке уголовного права нет единого подхода к определению понятия

нападения. Чаще всего оно классифицируется через понятия физического и психического насилия. Следует согласиться с суждением о том, что в науке происходит смешение понятий «нападение» и «насилие». И это не случайно. Увидеть какую-либо разницу между этими понятиями с точки зрения юридической значительности практически невозможно. «Под нападением понимается как неожиданные для потерпевшего агрессивные (открытые или скрытые) действия виновного, соединённые с насилием или угрозой применения насилия, так и совершение действий, которые создают обстановку опасного состояния, связанных с применением насилия, или когда существует реальная угроза применения такого насилия [6, с. 260].

Н.И. Мельник и Н.И. Хавронюк под нападением понимают резкое, неожиданное для потерпевшего, кратковременное, агрессивное, насильственное действие. Оно может быть открытым и тайным и органично связанным с физическим или психическим насилием, которое имеет инструментальный характер [7, с. 463].

В.В. Иванова считает, что нападение может выражаться в трёх формах: физическом насилии, психическом насилии (реальная и непосредственная угроза) и опасности (субъективной и объективной готовности) немедленного применения насилия [8, с. 53]. А.Ж. Каринбеков указывает на то, что нападение без насилия невозможно, так как если при нападении на граждан не применяется физическое насилие, то нападение превращается в форму психического насилия к потерпевшему [9, с. 13].

Судебная практика под нападением вооружённой банды признаёт действия, которые направлены на достижение преступного результата, путём применения насилия к потерпевшему, или создания угрозы для его применения. Такое нападение признаётся совершённым и тогда, когда члены банды не применяли оружия, которое находилось в их распоряжении [10, с. 5].

В науке существует суждение о том, что следует исключить из ст. 187 УК Украины термин «нападение». Исходя из этого, соответствующая норма должна быть изложена следующим образом: «Действия, направленные на по-

хищение чужого имущества, соединённые с насилием, опасным для жизни и здоровья лица, которое подвергается насилию или угрозой применения такого насилия (разбой) [5, с. 15].

По нашему мнению, понятия «нападение» и «насилие» не являются тождественными. Нападение – понятие более широкое, чем насилие. Физическое и психическое насилие выступают простыми действиями, которые вместе с другими создают нападение. Физическое воздействие, слова, жесты также характеризуют нападение.

Мы выступаем против исключения из диспозиции нормы о разбое понятия «нападения». Такая ситуация приведёт к тому, что это преступление будет иметь не усечённый, а материальный состав.

В соответствии с п.10 Постановления Пленума Верховного Суда Украины № 10 от 06.11.2011 года «О судебной практике о преступлениях против собственности», применение к потерпевшему без его согласия наркотических средств, психотропных, ядовитых или сильнодействующих веществ (газов) с целью завладения его имуществом, следует рассматривать как насилие и в зависимости от того, было ли оно опасным для жизни и здоровья или не было, квалифицировать такие действия по ч. 2 ст. 186 УК Украины или по соответствующей части ст. 187 УК.

В научной среде по этому вопросу существует дискуссия. Так А.А. Пионтковский утверждает, что не может быть состава разбоя в действиях преступников, которые дают жертве одурманивающие вещества для того, чтобы воспользоваться беспомощным состоянием потерпевшего с целью завладения имуществом. Такое решение вопроса обосновывается на том, что в этом случае отсутствует осознание потерпевшим факта совершения над ним насилия [11, с. 722]. Иную позицию по этому вопросу имеет Г.Л. Кригер. Он считает, что любое применение одурманивающих веществ, опасных для жизни и здоровья потерпевшего с целью завладения его имуществом, должно рассматриваться как разбой [12, с. 34].

По нашему мнению, воздействие на потерпевшего путём применения сильнодействующих, одурманивающих или отравляющих веществ по тяжести

вреда, который может быть нанесён, ни чем не отличается от применения опасного для здоровья физического насилия.

К корыстно-насильственным преступлениям относится и вымогательство. В этом преступлении физическое и психическое насилие также имеет свои особенности. По мнению В.Н. Куца, основным непосредственным объектом вымогательства являются не отношения собственности, а личность потерпевшего. Это положение он обосновывает тем, что личная безопасность, по сравнению с отношениями собственности, является большей ценностью. При совершении вымогательства с применением физического насилия, личности всегда наносится реальный вред. В то же время теоретически и на практике существуют случаи, когда реальный материальный вред отсутствует, что обуславливает признание вымогательства преступлением с формальным составом. Вымогательство может совершаться без физического насилия, но оно невозможно без применения к потерпевшему психического давления. Исходя из этого, учёный считает, что эту статью следует переместить в раздел о преступлениях против личности [13, с. 115-116]. Вне всякого сомнения, личность является объектом более ценным, чем собственность, но таким образом, нарушается принцип субъективного вменения. Виновное лицо всё же желает не испугать потерпевшего, а изъять у него имущество.

Для вымогательства присуще, как правило, психическое насилие, соединённое с требованием передать имущество. Рассмотрим эти признаки указанного преступления более детально. Требование имущественного характера может быть выражено в любой форме: устно, письменно, при помощи средств связи и других технических средств; невербальным способом (при помощи жестов). Единственным условием к форме требований является то, что у адресата не должно возникать сомнений о содержании полученной информации. Чаще всего встречаются угрозы, которые высказываются в устной форме.

Требования при вымогательстве обязательно должны быть незаконными. Незаконность заключается в том, что виновный предлагает потерпевше-

му передать имущество, право на него или совершить иные действия имущественного характера, не имея на то законного права. Таким образом, под требованием как признаком вымогательства следует понимать незаконное предложение потерпевшему, которое предъявляется в форме приказа распорядиться своим имуществом, правом на имущество или совершить действия имущественного характера, которые обеспечивают материальную выгоду преступнику или третьим лицам.

Следующим признаком объективной стороны вымогательства является высказывание в отношении потерпевшего или его близким угроз, то есть применение психического насилия. При вымогательстве она характеризуется доведением до потерпевшего информации о том, что в случае невыполнения требований виновный лично или через третьих лиц осуществит определённые нежелательные действия в отношении его или близких, применит физическое насилие, разгласит определённые сведения, уничтожит имущество и т.д. Угроза при вымогательстве должна характеризоваться реальностью и действительностью. Действительность угрозы заключается в фактическом существовании её в реальной действительности, а не в представлении потерпевшего. Реальной считается такая угроза, которая в любое время может быть реализована вымогателем, а также вызывает у потерпевшего уверенность в её реализации. Б.С. Никифоров указывает, что при вымогательстве угроза направлена не на то, чтобы парализовать, придушить волю потерпевшего, а чтобы принудить его вести себя определённым способом [14, с. 96]. Существенным признаком такой угрозы является её направленность в будущее. Так М.Г. Иванов отмечает, что будущее время реализации угрозы как составляющей психического насилия, определяется как период после предъявления преступником имущественного требования. Это время, которое наступает после предъявления требования о передаче имущества, или права на него. Законы формальной логики и философии не дают сомневаться в таком выводе [15, с. 29]. Но действующее уголовное законодательство Украины вряд ли подтверждает истинность такого вывода. Так как преступник сра-

зу же после отказа от выполнения его имущественных требований начинает реализовывать свои угрозы, применяя физическое насилие, то такие действия в зависимости от характера угроз или насилия квалифицируются не как вымогательство, а как разбой или похищение на грабёж.

Диспозиция ч. 1 ст. 189 УК Украины предусматривает следующие виды угроз при вымогательстве: угроза применения насилия к потерпевшему или его близким родственникам; угроза прав, свобод или законных интересов этих лиц; угроза повреждения или уничтожения имущества этих лиц или имущества, которое пребывает в их ведении или под охраной; угроза разглашения сведений, которые потерпевший или его близкие родственники желают сохранить в тайне.

Действующее уголовное законодательство Украины предусматривает угрозы при вымогательстве, которые применяются к потерпевшему или его близким родственникам. На наш взгляд, круг таких лиц должен быть расширен указанием на то, что они применяются к «близким потерпевшему лицам». А это могут быть не только родственники. Это предусматривал УК Украины 1960 года.

Вымогательство всегда совершается с применением к потерпевшему психического насилия. Законодатель в ч. 1 ст. 189 УК Украины имеет в виду именно угрозу применения физического насилия. Поэтому мы предлагаем дополнить общее определение вымогательства словами «угрозой применением физического насилия». Также из текста диспозиции ч. 1 ст. 189 УК Украины не понятно, каким именно насилием угрожает вымогатель: которое не опасно для жизни и здоровья, или которое опасно для жизни и здоровья потерпевшего или его близких. Следует конкретно указать вид такого насилия.

В последнее время наблюдается переход к наиболее завуалированным формам вымогательства. Желая уйти от ответственности за свои противоправные действия, преступники маскируют угрозы под предложения предоставить различного рода «услуги». Например, облегчить ведение бизнеса, устранить конкурентов, предоставить охрану и т.д. Такие предложения-угрозы имеют неопределённый характер, проявля-

ются в завуалированном виде, путём корректных высказываний. Но данные высказывания не оставляют сомнений об опасности таких «услуг», если они не будут приняты.

Кроме того существуют случаи, когда преступник выдвигает имущественные требования без высказывания каких-либо угроз. Но это не означает, что потерпевший не испытывает воздействие на себя психического насилия. Такое психическое насилие исходит из поведения виновного лица, взаимоотношений между ним и потерпевшим, которое предшествовали вымогательству, иных обстоятельств, из которых можно сделать вывод о возможном нанесении вреда. В этом случае, для наличия психического воздействия необходимо установить тот факт, что обстановка совершения вымогательства давала потерпевшему основания полагать, что в случае невыполнения требований к нему будет применено насилие.

Выводы. Учитывая изложенное, нами предлагается следующая редакция ст. 189 УК Украины «Вымогательство»:

1. Требование передачи чужого имущества либо права на имущество, или совершения каких-либо действий имущественного характера под угрозой насилия над потерпевшим или его близкими лицами, ограничение прав, свобод или законных интересов этих лиц, повреждения или уничтожения их имущества либо имущества, находящегося в их ведении или под охраной, или разглашением сведений, которые потерпевший или близкие его лица желают сохранить в тайне (вымогательство), — наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на тот же срок.

2. Вымогательство, совершённое повторно или по предварительному сговору группой лиц, или служебным лицом с использованием своего служебного положения, или под угрозой убийства либо причинением тяжких телесных повреждений, соединённое с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с повреждением или уничтожением имущества, или причинившее значительный ущерб потерпевшему, — карается лишением свободы на срок от трёх до семи лет.

3. Вымогательство, соединённое с насилием, опасным для жизни и здо-

ровья лица, или причинившее имущественный ущерб в крупных размерах, — карается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества.

4. Вымогательство, причинившее имущественный вред в особо крупных размерах, или совершённое организованной группой, или соединённое с причинением тяжкого телесного повреждения, — карается лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет с конфискацией имущества.

Без сомнения некоторые предложения носят дискуссионный характер, и мы предлагаем включиться в это обсуждение всех заинтересованных специалистов. На наш взгляд, указанные изменения позволят более эффективно применять нормы об уголовной ответственности за насильственные преступления против собственности.

Список использованной литературы:

1. Гаухман Л.Д. Насилие при грабеже, разбое и вымогательстве / Л. Д. Гаухман // Советская юстиция. — 1969. — №2. — С. 22–23.
2. Костров Г.К. Психическое насилие при разбое и грабеже / Г.К. Костров // Советская юстиция. — 1970. — № 11. — С. 9–10.
3. Баулин Ю.В. Уголовное право Украины: современное состояние и перспективы развития / Ю.В. Баулин // Уголовное право в XXI веке : материалы международной науч. конф. на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая–1 июня 2001 г. — М. : ЛексЭст, 2002. — С. 30–35.
4. Самошенко И.В. Понятие и признаки угрозы в уголовном праве : [монография] / И.В. Самошенко. — Х. : Издатель СПД ФЛ Вапнярчук Н.М., 2005. — 120 с.
5. Гуня І.І. Кримінально-правова характеристика насильницьких злочинів проти власності : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Х., 2012. — 210 с.
6. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. Ветрова Н.И., Ляпунова Ю.И. — М. : Издательство МГУ, 1995. — 564 с.
7. Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України від 5 квітня 2001 року / За ред. М.І. Мельника, М.І. Хавронюка. — К. : Каннон, А.С.К., 2001. — 1104 с.

8. Иванова В. В. Преступное насилие: [монография] / В.В. Иванова. – М.: ЮИ МВД РФ, Книжный мир, 2002. – 83 с.

9. Каринбеков А. Ж. Уголовно-правовые и специально-профилактические меры борьбы с бандитизмом (по материалам Кыргызской Республики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.08. – М., 1999. – 19 с.

10. Постановва Пленуму Верховного Суду України №13 від 23.12.2005 «Про практику розгляду судами кримінальних справ про злочини, вчинені стійкими злочинними об'єднаннями» // Вісник Верховного Суду України. – 2006. – № 1. – С. 2-6.

11. Курс советского уголовного права: Особенная часть / А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. – М.: Госюриздат, 1955. – Т. 1. – 800 с.

12. Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества: [монография] / Г. А. Кригер. – М.: Юридическая литература, 1974. – 176 с.

13. Куц В. Н. О непосредственном объекте вымогательства / В. Н. Куц // Проблемы социалистической законности. Вып.17. – Харьков, 1986. – С. 113-116.

14. Никифоров Б. С. Тебя охраняет закон: [монография] / Б.С. Никифоров. – М.: Юридическая литература, 1965. – 110 с.

15. Иванов Н. Г. Уголовная ответственность за вымогательство / Н. Г. Иванов // Советская юстиция, 1989. – № 10. – С. 29-31.

НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Наталья ЧЕРВИНСКАЯ,

соискатель кафедры теории и истории государства и права;
истории политических и правовых учений
Института государства и права имени В.М. Корецкого

Summary

The article analyzes the scientific support of the legislative process as a prerequisite for improving the quality of laws and prerequisites efficiency legislation. Concluded that effective scientific support of the legislative process will further dynamic development of Ukraine as a democratic state and the full realization of the rights and freedoms of its citizens in the formation of our country modern, developed civil society.

Key words: scientific support of the legislative process, legislative process, effectiveness of legislation, quality of laws.

Аннотация

В статье осуществляется анализ научного обеспечения законотворческого процесса как необходимого условия повышения качества принимаемых законов и предпосылки эффективности законодательства. Сделан вывод, что эффективное научное обеспечение законотворческого процесса будет способствовать дальнейшему динамичному развитию Украины как демократического правового государства, всесторонней реализации прав и свобод ее граждан, формированию в нашей стране современного развитого гражданского общества.

Ключевые слова: научное обеспечение законотворческого процесса, законотворческий процесс, эффективность законодательства, качество законов.

Постановка проблемы. В процессе законодательного урегулирования общественных отношений одно из ведущих мест занимает законотворчество. Ведь эффективность закона закладывается именно на стадии его создания. От того, насколько закон будет отвечать интересам общества и какие механизмы его реализации предусматриваться, зависит степень его соблюдения и выполнения. В связи с этим процесс создания законов должен быть урегулирован с помощью нормативно-правовых актов. А такое регулирование в свою очередь должно опираться на надлежащую теоретическую базу.

Актуальность темы исследования. Значение научного обеспечения законотворческого процесса особенно возрастает в наши дни, когда общественная жизнь выдвигает на первый план новые проблемы правового регулирования социальных отношений. Как верно отмечает П. Рабинович, низкая эффективность законодательства – это часто и следствие слабого научного обеспечения законопроектов. Хотя в последнее время взаимодействие науки и законотворческой практики значительно улуч-

шилась, однако формы сотрудничества ученых и практиков требуют совершенствования. Органы законодательной (а также исполнительной и судебной) власти во многих случаях лишаются важной информации относительно прогнозов правового регулирования и социального эффекта от действия акта во времени, пространстве и по кругу адресатов, уровня реальной или потенциальной его эффективности, факторов, которые будут влиять на эту эффективность, экономических последствий [1, с. 18–19].

Законотворчество по своему назначению призвано давать жизнь нормам права, порождая, формируя и оформляя их, предоставлять им статус регулятора общественных отношений. Именно в законах закрепляются права и свободы личности, отражается политический курс страны, чем, собственно, обусловлено общественный интерес к законотворческому процессу, закономерностям его функционирования и развития, результатам и последствиям.

Процесс законотворчества является целостным и структурно дифференцированным одновременно. Его